Предисловие

В начале 2000-х мы с братом Александром увлеклись изучением генеалогии нашего рода, ключевой фигурой в котором был художник-портретист Варнек Александр Григорьевич (1782-1843), написавший за свою жизнь множество портретов известных и выдающихся людей пушкинской эпохи. Примерно за три года мы восстановили генеалогическое древо, идущее от художника до наших дней, отыскали многих неизвестных нам ранее его потомков, в том числе и за рубежом, и опубликовали в 2004 году в Изд-ве СО РАН небольшую книгу по теме наших изысканий. Одним из потомков художника (его внуком) был известный полярный исследователь, генерал-лейтенант Варнек Александр Иванович (1858-1930), именем которого в Арктике названы бухта, два мыса и поселок на острове Вайгач.

О дочери генерала Варнек Татьяне Александровне (1894-1990), покинувшей вместе с отцом Россию в 1920 году и похороненной рядом с ним на русском кладбище Сен-Женевьв-де-буа под Парижем, мы с братом в период подготовки своей книги знали не много. Поэтому, книга «Доброволицы», выпущенная в это же время Издательством «Русский путь», произвела на нас эффект разорвавшийся бомбы. Дело в том, что автором одного из трех произведений, включенных в книгу, Воспоминаний сестры милосердия (1912 – 1922), была Татьяна Варнек.

О том, что Татьяна Александровна во времена Первой мировой и Гражданской войн работала сестрой милосердия на санитарных поездах, ее сын Киселевский Михаил Борисович (1928-2012) нам уже рассказывал. Но откуда вдруг взялись эти, поразившие нас «Воспоминания», когда написавшей их «сестры милосердия» уже много лет не было в живых?

Для М. Б. Киселевского, проживавшего во Франции, которого мы разыскали в начале 2001 года, факт издания в России мемуаров его матери также оказался неожиданным. Однако ему удалось кое-что вспомнить. Оказывается, что А. И. Солженицын во времена своего изгнания обратился к выходцам из России, свидетелям тех потрясений, которые произошли в ней, с призывом написать свои воспоминания о событиях тех лет. Татьяна Александровна откликнулась на этот призыв. Она напечатала свой дневник на пишущей машинке в 3-х экземплярах, один из которых отправила Солженицыну в Америку, второй еще кому-то, а третий остался в семье…

Опубликовав за последние годы несколько статей о представителях древа Варнеков, я уже давно собирался одну из своих статей посвятить Татьяне Александровне, которая фанатично была предана своей профессии и являлась, как говорят, сестрой милосердия от бога. Поразительно то, что она, родившаяся в дворянской семье, дочь генерала, прекрасно владев-

шая французским языком, сама избрала для себя такую трудную судьбу.

Поразмышляв о статье, я решил, что лучше того, чем написала о себе в своих мемуарах Татьяна Варнек, мне не написать. В результате появилось решение подготовить максимально сокращенный вариант мемуаров, в котором сестра милосердия рассказывает в основном лишь о своей профессии, своей работе и о себе.

Предлагаемый ниже очерк охватывает период Первой мировой войны. Надеюсь в следующем году опубликовать продолжение данных воспоминаний, относящихся к периоду Гражданской войны. Замечу в заключение, что Татьяна Александровна является двоюродной сестрой нашего с братом деда Варнека Александра Николаевича (1892-1972), учителя математики, репрессированного и высланного из Ленинграда вместе с семьей в 1935 году. Но это уже другая история.

Владимир Варнек

Глава 1
В ПОИСКАХ СЕБЯ

В мае 1912 года я окончила восьмой класс гимназии Л. Ст. Таганцевой и решила поступать в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств. С этим и уехала в Москалевку (наше имение около Туапсе на Кавказе). Летом, переписываясь с подругами, узнала, что многие из них собираются поступать в Кауфманскую общину на курсы запасных сестер милосердия. Община имени генерал-адъютанта М. П. Кауфмана (1822—1902) выросла из образцовой школы ученых сиделок, открытой в 1902 году. Она имела высокую профессиональную репутацию и отличалась строгими правилами. Работать в общине было в моде у представительниц всех слоев петербургского общества. Председательницей и попечительницей общины была баронесса В. И. Икскуль фон Гиндельбранд.

Осенью мы, большая группа подруг, поступили в общину; и одновременно я начала учиться в Обществе поощрения художеств. Всех слушательниц в общину поступило около четырехсот. Лекции и практические занятия были каждый день. Программа очень большая. Строгости тоже. Нас по-кауфмански взяли в оборот, причем все время за нами следили общинские сестры. Перед Рождеством были экзамены, устные и практические. Заниматься пришлось очень усиленно, особенно по практическим занятиям, — трудно было в очень короткий срок (по минутам) застелить кровать и заложить одеяло кауфманским углом. Дома у меня мы с подругой Аней Думитрашко мучили бедного Женю (младшего брата), который добродушно подчинялся. Всё же при виде нас он с отчаянием говорил: «Опять эта бинтовщица и бинтовища». Мы его без конца бинтовали с головы до пят, поднимали, переносили. Пробовали проделать то же и с более старшим братом, Петей, но он не давался.

Экзамены были очень строгие, резали беспощадно, но наши гимназистки все сдали благополучно. Самым страшным и трудным предметом была анатомия, и на этом экзамене провалились очень многие. Но мы все знали анатомию прекрасно по гимназии, где был тот же курс, что и в общине. На экзаменах провалились больше половины учащихся, так что после Рождества на практику в больницу попали меньше двухсот человек.

Мы работали в ужасной городской Обуховской больнице, переполненной больными. Ее пациентами были низы общества — нищие, бродяги, пьяницы. Больница громадная и настолько старая, что, кажется, стены впитали в себя все запахи. Воздух был ужасный, беднота кругом; белье, одеяла — старые, все серое, никаких удобств, ничего нужного получить было нельзя, даже не хватало градусников, а злющая общинская сестра не спускала с нас глаз и все время цукала. Я попала в хирургическое отделение, где больше лежали хроники или, вернее, безнадежные. После первого дня работы, вернувшись домой, я без

конца мылась, полоскалась одеколоном и не могла отделаться от ужасного больничного запаха. За столом ничего не могла есть.

В первые дни практики из-за тяжелых условий работы ушли несколько человек. Муштра была невероятная, а замечания так и сыпались. Мы терпели, сколько могли. Я проработала чуть больше месяца и бросила. Конечно, могла бы протянуть, но просто не захотела — диплом был мне не нужен, а из-за больницы приходилось пропускать занятия в Рисовальной школе, где я с увлечением занималась и думала пройти курс до конца. Я так уставала, бегая из больницы в школу, что не могла выезжать, а это был первый сезон с наилучшими балами и выездами. Аня Думитрашко проработала еще немного после моего ухода и тоже ушла. У нас появилось свободное время, и мы с ней стали много ходить по музеям и выставкам. Часто катались на коньках, играли в теннис, веселились и о сестричестве забыли. Лето, как всегда, провела в Туапсе, и снова зима, учение в Рисовальной школе, выезды, веселье.

Весной 1914 года снова поехали в Москалевку, где всегда было так хорошо. Ходили на экскурсии, купались, катались на лодке, играли в теннис и немножко помогали в садах, главным образом по сбору фруктов. В мою обязанность входило еще обходить все розовые кусты и срезать розы: отцветшие в одну корзину, а в другую — для букетов, которые я тут же расставляла по всему дому. Жили все беззаботно и не чувствовали приближающейся грозы. Почта приходила к нам всего три раза в неделю. Так что петербургские газеты в лучшем случае приходили на четвертый день. И вот, совершенно для нас неожиданно, на столбах и дубах вдоль шоссе появились расклеенные бумажки о мобилизации. Никто ничего понять не мог. Почему? Зачем? Стали гадать, папа читал в газетах о забастовках в Москве. Подумали, что из-за них. Только через три дня после объявления мобилизации мы узнали, что это война. Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома. Все же написала письмо старшей сестре общины Филипповой, спрашивая, что мне делать и могу ли я работать. Она сразу же мне ответила, и очень лаконично: «Приезжайте немедленно». Я быстро собралась и уехала. Это была середина августа.

На другой день после моего приезда я явилась в общину. Старшая сестра мне сказала, что мои экзамены и занятия зачтутся, но что я должна закончить практику. Меня послали в Александровскую больницу для рабочих, где уже работали волонтерки, которые после объявления войны поступили на ускоренные курсы сестер милосердия. Александровская больница была хорошо обставлена, очень чистая, и работать там было хорошо. Большинство сестер стремились на фронт: очень волновались, что не успеют, так как думали, что война скоро кончится.

Глава 2
ОТЪЕЗД НА ФРОНТ

Числа 19 сентября сорока шести сестрам, и мне в том числе, было приказано явиться в общину для получения креста. И нам дали или, вернее, разрешили нацепить крест, что мы тут же и сделали. После этого нам объявили, что 23-го мы уезжаем. Выдали каждой по сундуку, кожаную куртку, теплое ватное черное пальто и список вещей, которые мы должны взять с собой. Мне и пяти сестрам (четыре из них — волонтерки) сказали, что мы должны сшить себе настоящую общинскую форму, как сестры запаса, то есть черные платья и кокошники. Мы шестеро получили назначение в 1-й Подвижной кауфманский лазарет, стоящий в Галиции в Жолкиве. Остальные сорок волонтерок ехали с нами только до Киева.

Дома началась невероятная горяч-

ка: надо было все купить в три дня, сшить форму — платья, косынки, передники. Высокие сапоги на заказ сделать было невозможно — не хватало времени, и мне купили готовые — кадетские, очень некрасивые (потом я себе сделала на заказ).

Наступил вечер 23 сентября 1914-го, и я уезжала на фронт. Мы получили отдельный вагон второго класса и еще несколько купе в соседнем вагоне. Провожали нас все наши родные, друзья и знакомые. Толпа на вокзале была не меньше двух тысяч человек. Нас засыпали цветами, шоколадом и просто разрывали на части: каждый хотел поговорить, попрощаться, кое-кто благословлял иконками. Отъехали под громкие крики «ура!». Придя немного в себя, мы стали устраиваться. Ехали нормально, по четыре в купе. Диваны были завалены шоколадом, конфетами и цветами. Запах был одуряющий, особенно от тубероз. Сообща решили на ночь одну уборную отдать под цветы; а сколько могли, поставили в умывальник. Начали знакомиться друг с другом. Я сразу сошлась с Ксенией Исполатовой, и мы скоро подружились.

Глава 3
ЛАЗАРЕТ В ЖОЛКИВЕ

В Киеве мы шестеро расстались с волонтерками, пересели на другой поезд и поехали во Львов, где на вокзале пришлось долго ждать поезда на Жолкив. Громадный, чудный вокзал со стеклянной крышей не имел больше парадного вида: народу было мало, и только военные. Мы уселись вокруг столика в огромном пустом зале буфета. Закусили своими продуктами и стали поедать конфеты из большой коробки, которую кто-то из нас поставил посредине стола. Почему-то пустынный зал и большая коробка конфет остались в памяти. Сидели мы долго, пока какой-то врач не подошел к нам и не попросил помочь перевязать раненых, так как сестры эвакуационного пункта не успевают. Мы сразу же пошли — с радостью, но и со страхом: ведь мы еще никогда по-настоящему не работали и с ранеными встречались впервые. Нас отвели в большой зал, полный солдат, ожидавших перевязки. Там работали врач и фельдшера. Мы облегченно вздохнули, увидев, что раненые все легкие, больше всего «пальчики»: тяжелых перевязывали на эвакопункте. Со страхом и большим старанием мы принялись за дело. Перевязывали медленно, но справились благополучно. Проработали до прихода нашего поезда. Это было наше «боевое крещение»!

Наконец приехали в Жолкив, маленький городок, где нас поразило количество евреев, в лапсердаках и с пейсами. Вид неопрятный, особенно неприятно выглядела молодежь. Лазарет встретил нас неприветливо — старший врач, прибалтийский немец фон Кюммель, рыжий, с желтыми глазами, плохо говорящий по-русски; старшая сестра Большакова, общинская, уже немолодая. Препротивная рыхлая баба и, как ни странно для кауфманской сестры, малоинтеллигентная, даже, вернее, совсем простая баба. Как она могла быть кауфманской сестрой? Непонятно! Она сразу же зашипела: «На что мне эти волонтерки, прислали бы двух общинских, и было бы гораздо лучше». К довершению нашей беды, почти все раненые были эвакуированы. Осталось человек двенадцать, работы было мало, и Большакова взяла нас в оборот. Цукала за все, и особенно попадало, если ей покажется, что наши волосы недостаточно натянуты перед кокошником, не дай Бог, если выбьется прядь. А бедной сестре Турман, у которой волосы вились, влетало все время. Большакова с нами не церемонилась, просто подходила, подсовывала пальцы под волосы и кричала: «Убрать!» Мы же держались дружно и мстили, как могли. Это, конечно, было невозможно во время работы, и только за столом мы давали себе волю. Все мы были мо-

лодые, приблизительно одного круга, и наши разговоры раздражали Большакову. Естественно, мы вспоминали Петербург, выезды, знакомых. Часто мелькали громкие фамилии и титулы. Мы заметили, что Большакову это злило, и нарочно подливали масла в огонь, придумывая самые невероятные имена и титулы, пересыпая свою речь французскими фразами, которых она не понимала. Она приходила в невероятную ярость и кричала: «Эти мне графья да князья!» Для нас же эта проделка была единственным утешением!

Глава 4
«БУНТ СЕСТЕР»

Кроме неприятностей со старшей сестрой, нас приводил в недоумение наш старший врач Кюммель. Мы заметили, что пленников он перевязывал каждый день и долго с ними возился, на наших же раненых не обращал почти никакого внимания. Кроме того, он целыми днями просиживал у пленного австрийского капитана и болтал с ним по-немецки.

Через некоторое время были эвакуированы последние раненые, и нас перевели немного вперед, ближе к фронту, на станцию Ланцут в имение графа Потоцкого. Мы быстро развернулись на самой станции. Но стоянку нам выбрали неудачную: санитарные поезда на ней не разгружались, и мы стояли без дела. Волновались и сердились, зная, что в других местах большая нужда в лазаретах. Начали даже ссориться друг с другом. Мы с Ксенией очень подружились, но часто ссорились, мирились и снова ссорились; она была на два года моложе меня и прямо из института попала на фронт. Это была настоящая наивная институтка, да еще очень восторженная и увлекающаяся. Постоянно влюблялась, теряла голову и воображала, что ей сделают предложение. Я ее старалась направлять на путь истинный, она сердилась и говорила, что я ревную. Выходила ссора, затем я оказывалась права, она плакала, и мы мирились. Мы почти все время были с ней вдвоем, ходили осматривать дивный замок Потоцкого, фазановый заповедник, гуляли и много пели: у Ксении был чудный слух и довольно хороший голос. Но, несмотря на это, томились и мечтали, что нас переведут в другое место.

В Ланцуте мы простояли около недели и переехали на станцию Мелец, недалеко от Ржеснева. Но там работы тоже не было. Ближе всех к нам стояли черниговцы, которые быстро с нами познакомились и стали у нас бывать. В нашей столовой стояло пианино, и корнет Андреевский постоянно на нем наигрывал и пел. Доктор Кюммель был страшно зол на то, что в лазарет приходят офицеры, встречал их весьма нелюбезно, а иногда и дерзко. Но они на него не обращали никакого внимания, тем более что мы им рассказали о немецких симпатиях доктора.

С доктором у нас отношения становились все хуже и хуже: раз за столом он, что-то рассказывая, сказал: «У нас в Германии». Пылкая Ксения со всей силы ударила кулаком по столу и крикнула: «Доктор, у нас в России!» Мы стали во все стороны писать письма, прося обратить внимание на доктора Кюммеля. Но результатов не было никаких. Наконец, отчаявшись, мы написали в Красный Крест коллективное заявление, не подозревая, что этого делать нельзя. Но в Управлении заволновались! Правда, не из-за доктора, а из-за «бунта сестер»! Приехал уполномоченный, нас отчитал, но выслушал. Через некоторое время от нас перевели трех сестер: одну в Галицию, а двух — в госпиталь в Петербург. Доктора не тронули, и мы были в отчаянии. Из нашей группы остались Ксения и я, кроме того, из старого состава — старшая операционная и аптечная сестры.

Глава 5
ПЕРЕВОД ВО ЛЬВОВ

Вскоре дивизию перебросили в Карпаты, и нас перевели за ней: там шли большие бои. Нас поставили в Ясло. Там мы поместились в чудном богатом особняке, жили с Ксенией в прекрасной спальне красного дерева. Лазарет находился рядом в казенном здании: раненые все лежали в одном большом зале. Все очень тяжелые, и их было около ста человек, а нас было всего пять сестер. Сразу взялись за работу. Дела было столько, что даже Большакова оставила нас в покое. Палатных сестер было только две — Ксения и я, так что при всем нашем желании мы справиться с работой не могли: ведь на нас лежали и ночные дежурства. Спасла положение очень милая общинская сестра Курепина, работавшая в операционной и перевязочной. У нее перевязки чередовались с операциями, тоже с 8 часов утра до 8 вечера. Наша работа шла, но дел было столько, что об усталости не думали. Так прошло три недели, после чего начали постепенно эвакуировать раненых, и стало легче.

В это время к нам приехал полностью укомплектованный новый состав лазарета. Как видно, в Петербурге все же обратили внимание на наши жалобы. Меня перевели в Кауфманский, собственный Государыни Императрицы Марии Федоровны госпиталь № 2, находящийся во Львове, а Ксению, по просьбе ее дяди, председателя Российского общества Красного Креста, перевели в госпиталь в Петербург. Я очень жалела, что пришлось расстаться с Ксенией, тем более что в госпитале я никого не знала. Помещался он в громадном прекрасном здании и был прекрасно оборудован. Принимали в него только самых тяжелых. Старшим врачом был Владимир Николаевич Томашевский — прекрасный хирург, любящий свое дело, но с ужасно деспотическим характером. Все другие врачи оказались очень хорошие и серьезные. Сестер было двадцать одна. Старшая сестра — графиня Бобринская, фрейлина Государыни Марии Федоровны — была женой генерал-губернатора Галиции. Все называли ее не «сестра», а «графиня», все уважали, но и побаивались, даже старший врач.

Госпиталь можно было сравнить с прекрасно налаженной машиной, и мы являлись ее частицами. Поэтому у нас не было «личной жизни». Между сестрами не было подруг: все обращались друг к другу на «вы», не возникало и ссор. Свободного времени почти не оказывалось, работы же — очень много. Поэтому, хотя в госпитале не встретилось ни одного знакомого, я сразу же вошла в общее течение.

Меня назначили в одну из двух перевязочных второй сестрой. Там уже работала сестра Радкевич. Она хорошо меня приняла и начала обучать. Когда я все постигла, мы стали работать как равные, подавали по очереди и по очереди помогали врачам. Когда приходил перевязывать своих больных старший врач Томашевский, гроза перевязочной, ему всегда подавала Радкевич, а я помогала. Его появления боялись все: как только нам сообщат, что идет Томашевский, все врачи быстро заканчивали перевязку больного и скрывались. Томашевский входил в пустую перевязочную, за ним вкатывали его больного, и начиналось священнодействие. Перевязывал он невероятно медленно, рассматривая рану и подолгу раздумывая над ней, сидя на табурете. Помогая ему, я часто должна была держать на весу раненую руку, ногу, и если, не дай бог, у меня от усталости дрогнет рука, начинаются дикие крики. Если Радкевич не уловит момента, когда ему подать, или не угадает и подаст не то, о чем он думает, — снова крики. Санитарам влетало не меньше нас, хотя они оба отлично работали. Но зато он работал прекрасно и делал чудеса.

Я никогда после не видела такого священнодействия и такого напряжения у всех присутствующих, начиная с врачей и кончая санитарами: каждое

движение было точно рассчитано и изучено. Тишина была полная, и лишь изредка слышались слова оперировавших врачей и звук инструментов. Все это иногда прерывалось гневными выкриками Томашевского, который без этого работать не мог: подала ли сестра не совсем тот инструмент, о котором он думал, или замешкались она на какую-нибудь долю секунды, Томашевский сердился, кричал — и снова тишина.

Моя работа в перевязочной мне очень нравилась, тем более что Томашевский, несмотря на его свирепость, как хирург был очень интересен: он все время искал новые методы лечения, старался их улучшить. Но, несмотря на интересную работу, я в перевязочной томилась, так как не было никакого общения с живыми людьми. Тяжело было еще и потому, что сестры, кроме работы, между собой ничего общего не имели. В результате я чувствовала себя одинокой и мечтала перейти в палату.

Глава 6
РУКОПОЖАТИЕ ГОСУДАРЯ

9 апреля 1915 года во Львов приехал Государь. Прошла торжественная служба в церкви, мы там были, стояли совсем близко от него и хорошо его видели. Нам сообщили, что Государь решил приехать к нам в госпиталь. Начались страшные волнения и приготовления. Приезд был назначен на 11 апреля. Все было готово к приему. Графиня учила нас, сестер, как себя держать, делать не реверанс, а поясной поклон, не целовать руку... Но вдруг кто-то приехал и сказал, что Государь неожиданно уезжает и не успеет побывать у нас, — огорчение и разочарование были ужасные, но вдруг к госпиталю подъехало несколько автомобилей. Это Государь послал их за врачами и сестрами, чтобы мы могли ему представиться на вокзале и проводить. Мы все уже были готовы к приему, в парадной форме, так что сразу сели и поехали.

Нас провели на перрон около царского вагона, от которого шла дорожка в комнаты, где находился Государь со своей свитой. Туда же прошла и графиня. Старший врач стал нас устанавливать, вернее, сам остался с врачами, выстроившимися вдоль дорожки, а нам сказал стать за их спинами, что мы покорно и сделали. В это время из царских комнат вышел окруженный офицерами свиты Великий Князь Николай Николаевич. Он посмотрел на нас и приказал, чтобы сестры вышли вперед и стали вдоль дорожки, врачам же сказал отойти назад. Счастливые, мы, двадцать сестер, моментально сомкнулись в одну шеренгу. Все молчали, но волновались страшно.

Вот из комнат вышел Государь с графиней. Мы низко поклонились. Государь шел медленно, останавливался перед каждой сестрой. Графиня называла фамилию, и он подавал руку. Рядом со мной стояла сестра Раич, у которой была Георгиевская медаль. Он ее спросил, где и когда она ее получила. Дальше стояла очень нервная сестра Юрьевич, она не выдержала и поцеловала руку. Государь ничего не сказал, но слегка ее отдернул.

Затем он встал на площадку вагона, мы толпой подошли ближе и, не отрываясь, на него смотрели. Он был в в гимнастерке защитного цвета. Небольшого роста, такой скромный, но чудный! Какие у него были глаза — добрые и грустные. Когда мы подошли, он сказал: «Благодарю всех вас за вашу работу!» Поезд тронулся, и больше мы его никогда не видели.

Долго стояли молча и смотрели на удаляющийся поезд. Но надо было спешить в госпиталь, и нас быстро отвезли обратно. Ехали молча; переживая эти незабываемые минуты и чувствуя в своей руке «Его пожатие». В это время началось отступление из Галиции, может быть, поэтому Государь и прервал свое путешествие. Известия приходили все более и более тревожные.

Глава 7
В ПЛЕНУ РАБОТЫ И ТОСКИ

Началась эвакуация раненых, и скоро их у нас не осталось. Мы свернулись и ждали отправки в тыл. Но вдруг пришел приказ трем большим госпиталям перевязывать раненых на вокзале, так как с фронта из всех госпиталей, лазаретов и отрядов Галиции спешно стали эвакуировать раненых. Поскольку санитарных поездов не хватало, их грузили в товарные и отправляли к львовскому вокзалу. Поезда подходили один за другим. Эвакопункт с такой работой справиться не мог. Ведь пока перевязывали раненых с одного поезда, сзади уже стоял другой. Нам для работы отвели огромный пакгауз. Там стали работать мы, 5-й Кауфманский госпиталь и Крестовоздвиженский. Последний взял на себя заготовку материала. Мы отгородили помещение, и их сестры, чередуясь, день и ночь готовили материал. Мы же ежедневно чередовались с 5-м Кауфманским госпиталем.

Работали мы — половина персонала днем и половина ночью, через сутки менялись. В моей группе перевязочных сестер было две, Радкевич и я. Подавали и перевязывали по очереди, так как рук не хватало. Перевязывали все врачи, все сестры и фельдшер. Помогали перевязочные санитары, остальные носили, держали, прибирали. Стояло восемь столов, и еще многих перевязывали, сидя на скамейках. И сейчас не могу себе представить, как я могла успеть всем подавать, кто-то мне все время подкладывал материал, но успевали все. Инструментов хватало: санитары вовремя их прибирали, мыли и кипятили. С нас требовали, чтобы мы считали, сколько человек было перевязано. Каждый, кто перевязал раненого, сообщал об этом мне или Радкевич, когда подавала она, но запомнить их количество было невозможно. Тогда нам поставили одну банку с горохом, а другую пустую. С каждым перевязанным мы перекладывали горошину, а потом все пересчитывалось. Сколько времени мы так работали, не помню, но, думаю, что дней десять.

Наступил день нашего отъезда. Нас погрузили в теплушки и довезли до Киева. Там развернулись в помещении какого-то училища на Анненковской улице. Помещение было гораздо меньше, чем во Львове. Перевязочная была одна, и меня назначили в палату, в офицерскую. Я так мечтала попасть в палату, но, когда узнала, что к офицерам, пришла в отчаяние. Умоляла графиню назначить меня к солдатам, плакала, но она не согласилась. На меня напал невероятный страх, я боялась, что не справлюсь, и у меня не будет авторитета. Но постепенно привыкла к своей новой работе: со многими офицерами установились очень хорошие отношения, хотя были среди них капризные, требовательные и недисциплинированные. В общем, все они меня любили.

Ночные дежурства были приблизительно на седьмую-восьмую ночь. Они были очень трудные: госпиталь большой, и все раненые тяжелые. Принимая дежурство, от каждой палатной сестры получала записку о том, что надо сделать ночью. А именно: укол камфоры и морфия, следить за пульсом и возможным кровотечением. Все было расписано по часам: одним камфора через три часа, другим через два. За ночь делали по нескольку десятков уколов; пока обойдешь всех, надо начинать сначала. Да еще надо проверять пульс. А когда возможно у кого-нибудь кровотечение, тогда постоянно надо к нему возвращаться и смотреть. Часов с 5 утра ночная дежурная начинает мерить температуру во всем госпитале, заканчивая своей палатой, где надо еще сосчитать пульс и дыхание, заготовить рецепты и всем сестрам оставить записки. В своей палате надо сделать как можно больше, так как днем заменяет соседка, которой трудно справиться с двумя палатами. После сдачи дежурства, в 8 часов, — чай, ванна и спать.

После обеда обыкновенно вставали и шли гулять, но прогулки по Киеву доставляли мало удовольствия, там царствовал известный своей свирепостью комендант — генерал Медер. По закону Красного Креста мы, как фронтовые сестры, не имели права снимать форму, а по закону Медера сестры в форме не могли появляться на улице после семи часов, не могли заходить в кондитерскую, не могли разговаривать с офицерами. Все, что нам оставалось, — бродить одним по улицам или зайти в молочную съесть ягод и простоквашу, и не дай Бог запоздать вернуться домой. Все томились: ни у кого в Киеве не было ни друзей, ни родственников.

Глава 8
ПЕРЕХОД В ДРУГУЮ ОБЩИНУ

Я стала просить графиню о переводе на фронт, объяснив причину моей просьбы. Графиня сказала, что это зависит не от нее, а от общины, и обещала туда написать. Был получен отказ. Тогда я написала папе и тете Энни (Анне Романовне Гернгросс, нашей любимой мачехе), прося их похлопотать, что если меня не хотят назначить на фронт, то я прошу перевести меня в один из госпиталей Петербурга, чтобы быть со своими, а не в совершенно мне чужом городе, тоже в тылу. Папа пошел к старшей сестре общины — Филипповой, она обещала попросить баронессу, но баронесса отказала. Помимо того что я твердо желала уехать из Киева, меня возмутило такое отношение: я чувствовала себя как в плену и продолжала настаивать на переводе. Тогда графиня сказала, что в Киев приезжает баронесса, и она попросит ее меня принять.

Мне была дана аудиенция. В назначенный час я пришла на квартиру к баронессе, но меня заставили ждать около часа. Наконец впустили пред ее «светлые очи»! Она лежала в спальне на широкой кровати, вся завернутая цыганскими шалями (баронесса по происхождению была цыганка), она не дала мне сказать ни одного слова, долго отчитывала и отпустила. Что мне было делать? Я настолько оскорбилась и возмутилась, что уступить уже не могла!

Через силу продолжала работать, но недели через три приехала новая сестра, чтобы меня заменить. Я с радостью готовилась к отъезду, но меня и тут не оставили в покое, графиня несколько раз меня вызывала к себе и уговаривала остаться. Когда она увидела, что я не уступаю, направила меня к старшему врачу. Он тоже долго меня уговаривал и на мой отказ остаться сказал, чтобы я еще подумала и дала на другой день ответ. Снова уговоры, и, когда я снова отказалась, он разозлился, едва попрощался, но я была свободна и скоро уехала.

Меня откомандировали в общину для получения нового назначения. Но я была так обижена и зла, что решила из общины уйти. В Петербурге явилась к старшей сестре. Она начала меня отчитывать, но я ее перебила и сказала, что в общине больше не остаюсь, отдала книжку и на другой день прислала вещи. Узнав мою историю, Ксения Исполатова, которая все время просилась на фронт, также вернула книжку и вещи, и мы решили вместе перейти в Общину св. Георгия, которая была открыта в 1870 году под председательством принцессы Е. М. Ольденбургской. Вице-председательницей и попечительницей была графиня Е. Н. Грейден. В 1894 году общину приняла под свое покровительство Императрица Мария Федоровна. Георгиевская община кауфманских сестер принимала с распростертыми объятиями. Когда мы туда пришли, попечительница, графиня Шереметьева, нас выслушала и обещала принять.

Перешла я в Георгиевскую общину 19 сентября 1915 года. Первое время с удовольствием отдыхала после года работы. Виделась со всеми родственниками и друзьями, несколько

раз была в опере, но постепенно все больше и больше меня тянуло работать. И когда Аня Думитрашко попросила меня несколько раз подежурить ночью в Николаевском военном госпитале, где было мало сестер, я с радостью согласилась. Наконец в декабре 1915 года Ксению и меня вызвали в резерв сестер. Мы переехали туда и в конце декабря получили назначение в Житомирский этапный лазарет, стоявший в Вольмаре, в Латвии.

Глава 9
ЖИТОМИРСКИЙ ЭТАПНЫЙ ЛАЗАРЕТ

В самых первых числах января 1916 года мы поехали. Лазарет помещался на окраине города, на опушке большого леса, у самой реки Аа. Встретили нас в лазарете хорошо: дали на нас двоих отдельную комнату, но быстро и мы, и персонал лазарета поняли, что не сойдемся: слишком мы были разные и друг другу чужие. Весь персонал лазарета — два врача, жена старшего врача и четыре сестры — был из Житомира. Все они были дружны между собой, у них были общие интересы и одинаковое отношение к работе. Они были профессионалы, работали, как чиновники. Сестры — три общинских, две из них уже пожилые, наконец, молоденькая полька была сестрой-хозяйкой. Кормила очень однообразно и удивительно невкусно. Часто какими-то польскими блюдами.

Лазарет был полон ранеными и больными, почти все лежачие, но особенно тяжелых не было. Мы сразу взялись за работу, так, как мы ее понимали, — работать хорошо нам не могли запретить, но сестрам, даже старшей, это не понравилось: они привыкли себя не утруждать. Делали все необходимое, но ранеными не интересовались — кончив все назначения, усаживались отдыхать, а ночью, уткнувшись где-нибудь в уголку, просто спали. Мы же обе работали по-кауфмански — если не было дела, его находили: часто читали солдатам, что-нибудь рассказывали, писали для них письма. На свое жалованье покупали им леденцы, папиросы.

С санитарами у нас установились прекрасные отношения, и мы им вполне доверяли: они были не только наши подчиненные, но и друзья! Сколько раз на ночном дежурстве, когда все спят, все тихо, подходит санитар, присаживается на пол около моего стула и начинает рассказывать про свою деревню, про свою семью. Часто мы им писали письма домой, а иногда доходило до того, что они приходили с нами советоваться.

И санитары, и больные нас обожали: все выписавшиеся больные нам писали письма. На конверте было обыкновенно написано: «Двум сестрицам петроградским». Бывали письма очень трогательные, особенно от уссурийских и амурских казаков, которые писали свои письма так: «Лети, мой листок, на Дальный Восток и никому в руки не давайся, как только моей сестрице милосердной!» Часто бывали наклеены картинки, голуби, незабудки... Врачам и сестрам и наша работа, и обожание, которое нас окружало, очень не нравились, особенно сестрам: они поневоле должны были больше работать и страшно нам завидовали. Никаких ссор не возникало, но они нас не любили.

Так как ночные дежурства приходились на четвертую ночь, у нас было много выходных дней. Поэтому времени для себя было достаточно. Мы с Ксенией взяли напрокат рояль, вернее старинный клавесин, нашли учительницу и стали брать уроки. Вечерами играли в четыре руки. Жили очень дружно, но иной раз и крепко ссорились. Главные ссоры происходили из-за ее вечных влюбленностей — через год войны она осталась такой же наивной и увлекающейся институткой: всегда была в кого-то влюблена, ждала предложения, я вмешивалась, она сердилась, и получались ссоры. После разочарования — слезы, отча-

яние, — и мы живем снова в мире. Но это происходило только у нас в комнате: на работе мы были всегда одинаково дружны.

Раз как-то летом в лазарет пришло приглашение на Concours hippique (Конные состязания (фр.)) от Нерчинского казачьего полка, стоявшего недалеко от нас. Им командовал генерал Врангель. У нас заволновались, все хотели туда попасть. Но все было решено без нас: запрягли лазаретную коляску, в нее сели старший врач, его жена, три сестры, и они уехали. Остались в лазарете дежурная сестра и мы две, которые в этот день были свободны. Но нам безумно хотелось тоже попасть на конкур. Недолго думая, мы пошли быстрым шагом по тропинкам. Успели к самому началу.

Встали около изгороди, довольно далеко от палатки, где был Врангель, его штаб и офицеры. Наши лазаретные стояли недалеко от них. Прошло два или три номера, как к нам двоим подошел офицер и сказал, что командир полка и его жена просят нас перейти к ним. Мы сейчас же пошли. Проходя мимо наших, мы увидели их изумленные недовольные лица. Бароннеса Врангель встретила нас очень приветливо, познакомила со всеми. Там мы досмотрели все до конца. А затем нас пригласили закусить и выпить чай. Довольные и счастливые, мы вернулись домой, где нам никто ничего не сказал. Все сделали вид, что нас не замечают.

Через несколько дней к лазарету подъехала баронесса Врангель. Старшая сестра бросилась ее встречать и стала приглашать войти, но баронесса ответила, что она приехала отдать визит сестрам Исполатовой и Варнек и просит нам об этом сказать. Нас вызвали, и мы в саду втроем сидели и разговаривали. Мы вначале не понимали, почему к нам такое исключительное внимание. Но потом сообразили: у нас все время лежали больные казаки, многие потом возвращались в полк. Это, конечно, они нас расхваливали, как могли, рассказывали и об остальном персонале.

Глава 10
ТЯЖКИЕ ДНИ В РИГЕ

4 июля 1916 года к нам приехал из Риги грузовик с приказом немедленно командировать в распоряжение главноуполномоченного Северо-Западного фронта одного врача, двух сестер и десять санитаров. Сейчас же все были назначены. Поехали младший врач, санитары и мы с Ксенией. Собрались быстро. Вещей почти не взяли, уселись на грузовик и поехали. Зачем, почему — никто не знал! Спрашивали шофера, но он смог нам сказать только о том, что под Ригой были большие бои. А зачем нас вызвали, он не знал.

В Риге в приемнике Красного Креста нас встретила симпатичная старшая сестра. Она нам объяснила, что потери в последних боях страшные. Все госпитали переполнены, санитарных поездов не хватает и поэтому приемник завален ранеными. Из всех лазаретов Рижского района были вызваны спешно врачи, сестры и санитары — для работы в нем. Раненых было столько, что не только коридоры, но и площадки широкой лестницы были полны. Привезли их недавно, и надо было спешно наладить работу. Нас обеих старшая сестра назначила в два больших широких коридора на одном и том же этаже. Раненые лежали большей частью прямо на полу. Кое-кто на носилках. Мы должны были всех обойти и установить более тяжелых, которым спешно нужна перевязка. Поили их водой и старались получше уложить.

Но не прошло и часа, как вернулась старшая сестра и сказала, что в перевязочную нужны еще две сестры, так как работа будет идти без перерыва день и ночь. Кроме того, необ-

ходима еще и операционная сестра. Ксения сказала, что она несколько раз заменяла операционную сестру, и согласилась с условием, что я всегда буду помогать ей. Старшая сестра, обрадовавшись, повела нас в «святая святых», где представила старшему врачу, доктору Фовелину, известному в Риге хирургу. Ксения откровенно призналась ему, какая она неопытная операционная сестра и что боится не справиться. Фовелин ободрил ее и сказал, чтобы она не стеснялась обращаться к нему с вопросами. Тут же мы сговорились с двумя другими сестрами о распределении дежурств.

Когда Фовелин объявлял, что начинается операция, Ксения шла на свое место, а я ей помогала. Во время первой операции мы очень волновались, но все сошло благополучно, и мы стали смелее. Операции чередовались с перевязками, ночь прошла быстро, но, когда утром другие сестры пришли нас сменять, мы не смогли уйти, так как в это время шла операция. Когда наконец она закончилась, мы спустились пить чай. Но не успели встать из-за стола, как за нами прибежали и сказали, что нас ждут на другую операцию.

Мы побежали, но за одной операцией последовала другая, третья.... Так мы проработали весь свой отдых, едва успев сбегать пообедать, и вступили в собственное дежурство. Ночью мы должны были быть свободны, но операции шли одна за другой. Едва успевали передохнуть от одной, как начиналась другая. Тогда мы решили не уходить, сидели в материальной и крутили шарики или делали тампоны и т. д. Так шли сутки за сутками. Днем, если бывала свободная минута, мы шли в сестринскую комнату. Эта была большая проходная комната среди госпиталя, где стояли шесть или семь чистых носилок. Мы приходили туда, бросались, в чем были, на носилки и засыпали, пока не приходили нас звать снова наверх.

Хотя наша перевязочная была хорошо оборудована и инструмент для операций весь был, но не было дубликатов. Много пришлось делать ампутаций, и кончилось тем, что пила иступилась. Спешно послали ее поправить и попросили на складе Красного Креста другую. Но там ответили, что раздали все, что у них было. Хотели купить, но тоже не нашли. Послали санитара с запиской по госпиталям с просьбой одолжить — во всех госпиталях отказ: нужна самим! Что было делать? У нас должна была быть спешная ампутация. Тогда Ксения побежала сама в ближайший госпиталь. Ей обещали дать, но сказали подождать, так как у самих идет ампутация. Когда операция закончилась, пилу Ксении дали, но с условием немедленно вернуть ее им после завершения операции.

Такая чудовищная работа длилась две недели. К концу третьей недели работа стала нормальной. Эвакуация продолжалась, и со дня на день мы ждали окончания нашей командировки. Но в ночь на 24 июля у Ксении сделался сильнейший приступ аппендицита. Доктор Фовелин осмотрел ее и сказал, что надо немедленно оперировать в его клинике. Я ее туда перевезла, и, не теряя ни минуты, Фовелин ее прооперировал. Я присутствовала на операции. Ее положили в чудную отдельную комнату. Ухаживала прекрасная сестра Рижской общины. На ночь я уходила, но днем просиживала там.

Ксения быстро поправлялась. Работа в приемнике кончилась, и нам дали месячный отпуск. Я отвезла Ксению в имение ее матери под Петербургом и поехала к своим родителям в наше имение в Туапсе. Приехала туда 9 августа и чудно провела там время. 2 сентября мы обе явились в Управление в Риге. Но в наш лазарет вернуться не смогли, так как туда уже назначили других сестер.